

Ирина Лядова
ПРИЧУДЛИВЫЙ УЗОР
ЖИЗНИ

Ирина Лядова

Причудливый узор нити жизни

<https://litres.ru/74316214>

SelfPub; 2026

Аннотация

К чему приводят кошмары? К жизни, которой не должно было быть; к нити, которой суждено оборваться. Злата умерла при рождении, родители скрыли от неё то, что вернули дочь благодаря соку Древа Жизни. Много лет они хранили тайну, и дальше бы всё шло хорошо, если бы не мор, окутавший все соседние поселения. Тогда Древо позвало девушку.

Теперь Злате предстоит узнать тайну своего рождения, понять, кто же она такая, и узнать, в какой причудливый узор сплетётся её нить жизни.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ирина Лядова

Причудливый узор нити жизни

Пролог

– Ты напрасно пришёл, – произнесла птица не оборачиваясь. Она сидела на нижней ветке дерева, едва не задевая хвостом землю.

– Мне необходимо пророчество, – ответил старик с чёрной бородой, приближаясь к птице. Он хромал на одну ногу, из-за чего был вынужден опираться на крючковатый посох.

– Я ведаю, зачем ты здесь, – промолвила птица, поворачивая человеческое лицо. Синее оперение оттеняло белизну кожи странной птицы и придавало ей бледность. – Ты не получишь ответов на свои вопросы.

Мужчина в ярости откинул посох и схватил птицу за горло.

– Говори, – потребовал он.

– Как же она тебе ответит, коли ты её за горло ухватил? – раздался звонкий голос откуда-то сверху. Старик поднял голову – над ним раскинул ветви древний дуб, там наверху у самой макушки дерева сидели ещё две птицы: чёрная, с

сизыми перьями и печальным лицом, и ярко-алая, сияющая золотистыми всполохами и радостной улыбкой на устах.

– Что за ответы тебе нужны, Чернобог? – продолжила алая птица, подлетев ближе к мужчине. – Нечасто ты к нам навещаешься, неужто мир скоро падёт?

Птица, усмехаясь, легко опустилась на самую нижнюю ветку.

– Тебе дело какое Алконост? Я пришёл к Гамаюн. Вас не звал.

– Обижаешь, – забавно насупилась та. – Знаешь ведь, что неделимы мы.

Чернобог зло посмотрел на Алконост, повисла тишина. Лишь чёрная птица, не спешила спуститься. Сидя в ветвях, она прислушивалась к чему-то, одной ей ведомому.

– Ах, спеть бы для тебя, – неожиданно произнесла она. – Да не слышу я печальной песни твоей...

Чернобог самодовольно хмыкнул, продолжая держать Гамаюн за горло.

– Не тебе для меня песни петь, Сирин. Ты – муравей в жизни божества.

Тут раздался звонкий смех Алконоста. Чернобог резко дёрнулся, и Гамаюн в его руках захрипела.

– Зря ты, Алконост, потешаться вздумала, – недобро прищурился мужчина. – Твоя песнь мне тоже не нужна.

– А у меня и нет ничего для тебя. Нет в твоей судьбе песни счастья, – Алконост взмахнула крылом перед своим лицом,

словно отгоняя мошек.

– Моя судьба – не ваша забота! – Чернобог ещё сильнее сдавил горло Гамаюн. Раздался едва различимый хруст, птица обмякла в руках божества. Сирина испуганно ахнула и закрыла лицо крыльями.

– Зачем же за пророчеством пришёл, раз в связь нашу с судьбой своей не веруешь? – Алконост склонила голову набок, внимательно наблюдая за мужчиной.

– Не ваше дело! – воскликнул мужчина и откинул Гамаюн в сторону. Птица упала на землю, подняв небольшое облачко пыли.

– Много ли ответов получил? – послышался голос позади. Чернобог обернулся. Взору его предстали две женщины с виду похожие друг на друга как две капли воды: да одна вся осунувшаяся в залатанном рванье, а вторая румяная в расшитом золотом сарафане. Вокруг них вилось множество нитей, которые, каждая наматывала на своё веретно.

– Явились, – недовольно буркнул старик. – Вас спросить забыл. Идите отсюда.

– А может, и забыл, – молвила румяная, подмигнув. – Не у нас ли с сестрицей спрашивать про свою ниточку?

– Судьбами богов вы не ведаете. Я сам вершу свою судьбу, – Ответил старик злобно, на что сёстры лишь загадочно переглянулись.

– Ну, коли так, то больше не держим, – сказала вторая сиплым голосом. – Ступай. И так нам птиц распугал.

– Распугаешь их, как же, – Чернобог оглянулся на птиц, окруживших лежавшую на земле Гамаюн, и сплюнул под ноги. Подняв посох, старик направился к выходу из сада, но не успел сделать и десятка шагов, как Гамаюн пришла в себя и прохрипела:

– Тьма твоя падёт, – Чернобог напряжённо замер. – Как только явится на свет тот, в чьих жилах течёт сама жизнь.

Гамаюн закашлялась, старик же, напротив, расслабился.

– Значит, быть моей тьме лишь сильнее, – довольно произнёс он и вышел за калитку сада, растворившись чёрным дымом.

– Ох, не к добру это, – запричитала Недоля, ухватив одновременно с Долей нить, возникшую в воздухе. Ниточка причудливо вилась, зацепившись за веретёна обеих сестёр.

– Полно тебе, сестрица, – отмахнулась Доля. – Уверена, чудесная выйдет ниточка.

Глава 1

Лес горел. Деревья кричали, молили о пощаде, корчились ветви, сжималась листва. Вековые ели роняли вниз иголки, понимая, что им не выжить. Лес звал на помощь. Звери бежали от огня, пытаясь спрятаться в густых зарослях кустарника и под ветвями могучих дубов, но находили лишь страх и дрожащие ветви. Птицы кружились, стремясь перекрычать пожар, но их трели гасли в рёве пламени...

Злата проснулась и откинула мокрые волосы со лба. В мыслях всё ещё ревел пожар, и деревья ждали помощь, которая не придёт. Стоило только прикрыть глаза, как перед взором возникали ветви охваченные огнём, и звери в страхе ищущие убежище. Этот сон снился ей уже несколько лун. Каждый раз, пробуждаясь в холодном поту, она после не могла уснуть.

Она любила лес. Ей нравилось бродить среди пушистых еловых веток, когда мох пружинит под ногами, а лучи солнца пробираются сквозь хвойные иголки, добавляя сказочности. Блестящая роса по утрам, летом сочные ягоды земляники на лесных опушках и крепкие белые грибы по осени. Но лес, что ей снился, был другим: мрачным, тёмным, охваченным ужасом и болью.

Боль... Кругом боль. Сердце сжималось от неё, когда приходило осознание, что она, Злата, простая деревенская дев-

чонка, не может спасти не то что лес из сна, но даже людей рядом. На её деревню напал мор, люди стали гибнуть один за другим. Началось всё с прошлого жнивения, когда один из сыновей соседки хилеть начал, а после и вовсе слёг с неизвестным недугом. У мальчишки начались корчи и горячка. Говаривали, что наслушался он быличек дедов и отправился сокровища искать, дескать, есть в лесу колодец полный богатств, а стережёт его старушонка. Вот и судачат, что в поисках он таки повстречал в лесу Калян Осерчал на него вредный дух и наградил хворью вместо богатств. Правда оно или нет народ так и не узнал – мальчишка быстро помер, а следом за ним люд хворать начал.

Как почуяли беду, собрались на совет да выбрали несколько баб, кто защитный круг будет для деревни творить. Выбранные женщины впряглись в плуг и опахали деревню. Остальные шли рядом: шумели ухватами, печными заслонками да свистели кнутами. Ох, и повеселилась тогда детвора, стуча боталами. Только обряд отпугивания хворей не помог. Люди обратились к богам, принося жертвы и моля о помощи, но те молчали. Тогда уж решили к нечисти обратиться: каждый отнес в лес по ярушнику и куску мяса для Ворися, но и дух-хозяин не смог отогнать хворь.

В соседней горнице раздался приглушённый кашель, а затем хриплое дыхание. Злата откинула тонкое одеяльце и вскочила с лавки. Несколько дней назад отец девушки схватил недуг. Вместе с матерью они старались облегчить его

хворь, но его продолжало лихорадить. Жар то спадал, то вновь накатывал новой волной – совсем как огонь на лес во сне. Злата неслышно вбежала в соседнюю горницу, мать была бледна и стояла на коленях у лавки, где лежал отец Златы, смачивая в небольшом корыте тряпку, чтоб приложить на лоб больного. В комнате пахло травами.

– Маменька, отправляйтесь почивать, я посмотрю, – вполголоса молвила Злата, касаясь плеча родительницы. Женщина подняла уставшее, осунувшееся лицо, взглянула на дочь и вновь опустила голову.

– Спасибо, милая, – еле слышно отозвалась она, целуя дочь в руку, которую та продолжала держать на плече. – Посмотри, но поспать мне не получится. Ты же знаешь, староста просил зайти к нему, если на третий день твоему отцу лучше не станет. Нужно сообщить как можно раньше, возможно, получится избежать беды, и он поправится.

Злата покорно кивнула и опустилась рядом с матерью. За окном прокричали петухи. Женщина тяжело вздохнула и поднялась, опираясь на подставленное дочерью плечо. От усталости её шатало. Оправив подол мятого сарафана, она медленно направилась к дверям, сопровождаемая грустным взглядом дочери.

Тем временем в свои права вступила весна. Снег почти растаял под старательно гревшим землю солнцем, на реках уж и не осталось льда, а дни становились всё теплее. Приближались дни пахоты. Злата понимала, что если отец не попра-

вится, то вряд ли они смогут пережить следующую зиму. В семье их было всего трое, и вся тяжёлая работа ложилась на плечи отца. Конечно, они с матерью помогали по мере сил, но весной, во время пахоты, толку от них было не много, а если не сделать посадки, есть будет нечего.

Злата сидела, призадумавшись, и вздрогнула, когда проснувшийся отец закашлял.

– Тятя, вот, возьмите воды, – схватила она ковш с колодезной водой, стоявший рядом. Мужчина с благодарностью посмотрел на дочь и, приподнявшись, взял в дрожащую руку ковш. Злата аккуратно его придерживала, помогая не облиться.

– Матушка отдыхает? – хрипло спросил отец, отдавая ковш обратно дочери.

– Она пошла к старосте, говорят, он надеется спасти деревню, сделав большое подношение богам, но мы уже столько их сделали... – грустно проговорила Злата. – Папенька, скажите, вам лучше?

– Думаю, да, – ответил мужчина, вновь откинувшись на подушку и прикрыл глаза.

«Лукавит», – с печалью подумала Злата и принялась с усердием окунать тряпицу в отвар из трав.

– Я думаю, что стоит тебе, дочь, уйти из деревни, – хрипло начал отец. – Вернёшься, как беда стороной обойдёт.

Тряпка из рук Златы с плеском упала обратно в отвар.

– Как же так? – пробормотал она. – На кого же я вас остав-

лю? Куда же я пойду?

Продолжила она уже чуть тише, опуская взгляд и вновь отжимая тряпку:

– Тятя, давайте я вам приложу прохладное...

Отец устало поглядел на дочь, после чего прикрыл глаза и позволил положить на лоб прохладную ткань.

– Мы-то справимся, за нас не переживай. Главное, чтоб ты здорова была. Потому и пойдёшь к тётке.

– Но тятя! Как же так? Вы вдвоём без меня не управитесь.

– Нашла время с отцом спорить... – прохрипел мужчина и закашлялся.

Отворилась дверь, и в избу зашла мать Златы. Она опиралась на какую-то палку и была бледна.

– Маменька, с вами всё ладно? – бросилась к ней Злата подхватывая.

– Да, милая, всё хорошо, присесть только надо бы, – еле слышно промолвила женщина. Отец тяжело вздохнул, наблюдая из-под прикрытых век за женой и дочерью. – Сейчас посижу, и всё пройдёт.

Злата помогла матери присесть на соседнюю лавку и озабоченно потрогала её лоб.

– Матушка, не огневица ли у вас?

– Нет-нет, не переживай, я просто устала, – прислонившись спиной к стене, она прикрыла глаза.

Злата смотрела на родителей и не понимала, как отец может отправлять её к тётке в такой момент. Было похоже, что

и матушка начала хворать, а это значило, что, если она покинет дом, ходить за ними некому будет. Устало вздохнув, она негромко молвила:

— Я схожу за свежей водой к колодцу, постарайтесь отдохнуть, — и тихо вышла.

Чтобы дойти до колодца, нужно было пересечь половину деревни: ещё недавно здесь звенел детский смех и сновали люди, сейчас стояла тишина, нарушаемая лишь порывами ветра. Злата с грустью смотрела вокруг: где-то у дома покосился забор, где-то ставни закрыты уже навсегда... Мор подкосил жителей, и у многих домов больше не было хозяев. Деревню укрыло отчаяние. Ветер скрипел калитками, играл нежной, ещё мелкой листвой. Впереди, у колодца кто-то шумел вёдрами. Подойдя ближе, Злата увидела дочь старосты, которая о чём-то причитала. Девушка остановилась, невольно сравнивая себя с ней. В отличие от Златы дочь старосты была высокой, дородной, краснощёкой девицей с волевым характером и командным голосом, толщине и длине косы которой завидовала вся деревня. Маленькая тихая Злата просто терялась на её фоне.

— Здравствуй, Глаша, — Злата наконец опустила свои вёдра чуть поодаль. — Что-то не так?

— И тебе здравствуй, — ответила та, выпрямляясь и откидывая волосы с лица. — Всё у нас не так!

Глаша всплеснула она руками.

– Пора пахоты, а деревня как вымерла за зиму! Кругом хворь какая-то бродит, а тут ещё и бадья прохудилась колодезная, как сгрыз её кто!

Злата задумчиво оглядела ведро, которое Глаша подняла, показывая – на нём и правда были дыры со следами, похожими на клыки.

– Может, кто забыл бадью убраться, и ночью собаки погрызли, – высказала предположение Злата.

– Да не похоже на собак... – продолжая рассматривать бадью, ответила Глаша. – Ладно уж, что сейчас гадать. Скажу папёнке, что новая бадья к колодцу требуется, пусть он с этим разбирается.

И она как-то зло бросила тару для воды на землю. Злата с удивлением посмотрела на всегда сдержанную дочь старосты.

– Не смотри так. Знаешь же, что у меня свадьба должна была быть, – Злата кивнула. – Так отец её отменил, а меня высылают из деревни! Дескать, не время свадьбы играть, здоровье важнее. А Ладимир отца поддержал!

Злата тяжело вздохнула.

– И что же теперь? – грустно спросила она.

– В город поеду.

– Одна? – ахнула Злата.

– Почему же одна? С младшими: со своим братом и сестрёнкой Ладимира.

– А остальные как же?

– У Ладимира почти вся семья умерла этой зимой... бабка осталась, да сестра. Бабка вот хворать начала на днях, потому сестру Ладимира к нам переселили. Ну, а мои... Отец – староста, ему проблемы деревни надобно решать, а матушку и старших братьев мы похоронили ещё до масленицы... – теперь пришла очередь Глаши тяжело вздыхать.

Злата неуверенно топталась на месте, глядя на старшую подругу.

– Отец тоже хочет меня выслать... – тихо сказала она, смотря в землю. – Но я не собираюсь уходить. Они без меня точно не справятся.

Глаша удивлённо посмотрела на девушку.

– Глупая ты. Если есть куда уехать, лучше уехать. Мы хоть и под богами ходим, но и договориться с судьбой всегда можно. Если останешься, от твоего рода совсем никого может не остаться, а вернуться всегда успеется.

Злата задумалась над её словами.

– Старшие всегда говорят, что на всё воля богов. Видимо, осерчали они за что-то на нашу деревню, если уедем – не навлечём ли ещё большей беды?

Глаша хмыкнула и снова загремела вёдрами.

– Давай-ка моё ведёрко прицепим, а то без воды останемся, – вместо ответа на Златин вопрос сказала она, и ловко насадила ведро на крюк. Закрутился ворот, заскрипела цепь, постепенно разматываясь, послышался плеск, и Глаша начала поднимать воду. Подхватив полное ведро, девушка выру-

галась.

– Что такое? – испугалась Злата, глядя на Глашу.

– На воду посмотри, – ответила та, отходя от ведра с водой. Злата заглянула в него и отпрянула в ужасе – вода была полностью красная. Глаша выругалась, выливая в сторону грязную воду из ведра и сказала: – Как крови ведро набрала. Надо на родник идти, ты со мной?

Злата согласно кивнула, с опаской поглядывая на колодец.

– Может, мы метлу из рябины туда опустим? – робко поинтересовалась Злата, указывая кивком на колодец.

– А у тебя что, с собой веник рябиновый? – насмешливо уточнила Глаша. Злата помотала головой в ответ. – Ну, вот и всё. Я на родник, а ты смотри сама.

Девушки отправились в путь, молча обдумывая каждая своё.

– Как думаешь, колодец прокляли? – Злата не выдержала молчанья первая.

– Не знаю, – ответила задумчиво Глаша. – Главное, чтоб родник был чист.

– А может, наш колодец уже давно такой, просто мы не замечали? Вода испортилась, потому люди и болеют.

– Может, и так, – ответила девушка, раздвигая еловые ветки над родником. – Здесь всё хорошо.

И правда – из-под земли бежала кристально чистая вода, сверкающая на солнце.

Набрав воды, девушки молча разошлись. Злата размыш-

ляла о красной воде в колодце и о сказанных Глашей словах. Уезжать и оставлять родителей не хотелось, а понимание того, что возможно, это единственный верный выход, внушало тревогу. Аккуратно зайдя в избу, Злата чуть не расплескала воду от увиденного: матушка активно хлопотала у печи, а отец сидел за столом и пил чай. Не веря своим глазам, она кинулась к родителям с радостным возгласом.

– Я знала, знала, что все наладится, и мне не нужно никому уезжать! – воскликнула она, садясь за стол. Ответом ей стал хмурый взгляд отца. – Батюшка, ладно ли вы себя чувствуете?

– Ладно, – ответил он, но голос ещё немного хрипел. – Но уехать тебе все равно надобно. То, что нас с матерью твоей хворь обошла, ещё ничего не значит. Завтра на рассвете отправляешься к тетке, тут недалеко, два дня ходу.

– Тогда все вместе отправимся! – не сдавалась Злата.

– Доченька, – подала голос мать Златы ставя кадку в которой замешала тесто, на стол. – Батюшка твой ещё не совсем от болезни оправился, ему ещё полежать следовало бы. Да и я после нескольких бессонных ночей подустала, мы останемся, выждем немного, а не позже чем через одну луну встретимся у тётки.

– Тогда и я подожду, все вам легче будет, – упиралась девушка.

– Пойми же, ты у нас одна, и мы очень тебя любим. Считай, вымолили у богов себе такую прелестную дочурку, не можем мы тебя опасности подвергать. Вот и Глашку, тоже к тетке отправляют. Вам часть дороги по пути, отправляйся с ними завтра поутру, и нам покойно будет и тебе не скучно, – продолжила мать, ловко разделяя тесто на кусочки. – Я сейчас пирожков тебе в дорогу напеку, а ты иди собирайся. Злата нехотя встала, спорить с родителями было бесполезно. Если уж матушка вспомнила про её рождение, то точно не переубедить. Они и правда очень долго мечтали о ребенке, а когда уже совсем отчаялись, появилась долгожданная девочка. Потому старательно берегли они свой «подарок» богов. Одно казалось странным: когда Злата уходила за водой, матушка еле держалась на ногах, а у отца не спадал жар, как же так вышло, что за пару часов все изменилось? Задумавшись, девушка послушно направилась в комнату собирать вещи, и совершенно не обратила внимания на то, как за её спиной родители переглянулись. После мать грузно опустилась на лавку, а отец облокотился на стену и прикрыл глаза.

Сноски: *Жнивень* - август; *Корчи* - судороги; *Горячка* - лихорадка; *Дух Калян* - дух обитающий в колодце, из коми-пермяцкого фольклора, способный представать в образе молодой девушки или старухи в синем сарафане. Упоминается в сказках Бажова как Синюшка; *Ботало* - погремушка или колокол издающий глухой звук, изготавливае-

мый кустарным способом из железа, меди или дерева, который привязывали на шею домашнему скоту (коровам, козам, лошадям); Ярушник - каравай; Вöрись, также вöрса, вöрморт, «лесной человек» – лесной хозяин у коми-пермяков; Огневица - жар, лихорадка; Ворот - простейшее грузоподъёмное устройство с ручным приводом. Состоит из барабана, вращаемого рукояткой, и каната (цепи), надеваемого на барабан. Свободный конец каната снабжён крюком или ёмкостью; Кадка - ёмкость цилиндрической формы, сделанная из деревянных дощечек, стянутых металлическими или деревянными обручами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.